

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности	7
Введение	11

ЧАСТЬ I. НИКАКОЙ МАГИИ

Возрождение из пепла поражения, 1945 — начало 1950-х

1. Из врагов в друзья: Оккупация Германии и Японии союзными войсками	27
2. Создатели чуда: (Вос)создание коллективного капитализма	60

ЧАСТЬ II. СОТВОРЕНИЕ ЧУДА

1950—1973

3. Чудеса производства I: Альтернативные системы Форда	91
4. Чудеса производства II: От скромных ремесленников до лидеров мирового бизнеса	119
5. Чудеса потребления	143
6. Чудеса экспорта	167

ЧАСТЬ III. НЕ УПУСТИТЬ ЧУДО

1973—1989

7. Плоды созидания	203
8. Призраки прошлого	230
9. Хрупкие преимущества. Борьба с валютными и нефтяными кризисами	268

ЧАСТЬ IV. НА ВОЛНАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

1990 — настоящее время

10.	Построение бизнеса на основных рынках: Продажи и производство в США и Китае	299
11.	Перестройка по окончании холодной войны	337
12.	Шок нового столетия: Три кризиса (и угроза еще одного)	371
	 Заключение	 399

БЛАГОДАРНОСТИ

Эту книгу я хотел написать давно. Идея начала формироваться во время сдачи экзаменов на докторскую степень в Университете штата Огайо, где профессора Алан Бейерчен, Джеймс Бартоломью, Мэнсел Блэкфорд и Джун Фуллмер курировали изучение истории Германии, истории Японии, истории бизнеса и истории науки и техники соответственно. Я благодарен им за руководство и поддержку на экзамене, а также за постоянный интерес, который Алан Бейерчен с тех пор проявлял к моей карьере. Материалы, использованные для подготовки к экзаменам, легли в основу моих исследований и, более того, преподавательской практики: за последние десятилетия я читал варианты сравнительного курса о развитии в XX веке национальных систем инноваций в Германии, Японии и США сотням студентов в Соединенных Штатах и Великобритании. И все это время думал о написании этой книги.

Я рад, что благодаря обращению агентства Peters Fraser + Dunlop (PFD) у меня наконец появилась возможность это сделать. Тесса Дэвид и другие сотрудники PFD (в последнее время это была Лори Робертсон, которая сменила Тессу в середине 2020 года) тесно сотрудничали

со мной в разработке и доработке подробного предложения по книге, за что я им очень благодарен.

Наши усилия окупились, когда предложение было принято Издательством Кембриджского университета после положительных, а также чрезвычайно полезных отзывов двух анонимных рецензентов. Майкл Уотсон, глава отдела коммерческих публикаций издательства, руководил этим процессом, давал прекрасные советы и отзывы о рукописи по мере ее подготовки. Я хотел бы поблагодарить его и его команду, а также рецензента предпоследнего варианта рукописи, который я представил в декабре 2022 года; его бесценные комментарии и небольшие исправления я постарался включить в окончательную версию книги, затем тщательно отредактированную Стивеном Холтом, которому я очень благодарен.

Для работы над книгой я воспользовался годичным творческим отпуском, сделав перерыв в преподавании экономической и социальной истории в Университете Глазго, что позволило мне завершить ее в срок. Кристин Лесли, администратор Центра истории бизнеса в Шотландии, на протяжении этого времени оказывала неоценимую долгосрочную поддержку в управлении центром и его финансами. Выражаю ей глубокую благодарность. Ряд коллег и друзей также предоставили важнейшие отзывы по плану книги, черновикам рукописи и/или идеям по поводу этого проекта. В частности, спасибо Филлипсу О'Брайену, Нилу Роллингсу, Крису Миллеру, Джеффу Фэру, Нилу Маккензи, Хью Мерфи, Брайану Линну, Ральфу Бэнкену, Валерио Черретано, Шону Ванатте, Джонатану Стоуксу, Николасу Стоуксу, Дональду Макиннону, Луису Джойнеру, Фреду Хэю и Дэвиду Ганну, а также моему покойному коллеге Стивену Сэмбруку, помогавшему в написании книги.

Однако самую глубокую благодарность я хочу выразить своей жене Анне, которая с начала проекта и до подготовки окончательного варианта рукописи не только давала

полезные комментарии и высказывала критические суждения, но и редактировала многочисленные черновики для придания им стиля и ясности. Я посвящаю эту книгу ей — с любовью, признательностью и благодарностью.

ВВЕДЕНИЕ

Самые обычные места могут стать свидетелями революционных перемен.

14 апреля 1978 года на холмах округа Уэстморленд, штат Пенсильвания, недалеко от Питтсбурга, первый Volkswagen Rabbit сошел с недавно построенного конвейера немецкого производителя. Автомобиль простого белого цвета, разработанный в соответствии с экологическими нормами и требованиями безопасности для американского рынка, был представлен толпе из примерно 1000 высокопоставленных персон и рабочих, включая губернатора штата Милтона Шаппа. К нему на трибуне присоединился Тони Шмюкер, генеральный директор Volkswagen AG, прилетевший из штаб-квартиры компании в немецком Вольфсбурге. Первый Rabbit американского завода остановился на золотом ковре, где сотрудник защелкнул последнюю деталь — пластиковую решетку радиатора. Вскоре автомобиль был отправлен в музей VW в Германии. Шмюкер же с гордостью объявил: «Сегодня Volkswagen становится пятым американским автопроизводителем».

Четыре с небольшим года спустя, в ноябре 1982 года, первая Honda североамериканского производства, скромная

на вид Accord грифельно-серого цвета, появилась на новом заводе японского автопроизводителя, построенном на кукурузных полях под Мэрисвиллом, недалеко от Колумбуса, столицы штата Огайо. Церемония, на которой был представлен первый японский автомобиль, выпущенный в Соединенных Штатах, была скромной. В ней участвовали лишь несколько высокопоставленных гостей компании, а также местные менеджеры и работники завода. В соответствии с традициями Среднего Запада музыкальное сопровождение обеспечил маршевый оркестр местной школы. И, в отличие от первого Rabbit, отправленного в штаб-квартиру VW в Германии, первый Accord из Мэрисвилла остался в США и впоследствии был передан в музей Генри Форда в Детройте.

Заводы VW и Honda стали, соответственно, первым и вторым предприятиями зарубежных автопроизводителей, открывшимися в США после 1931 года, когда Rolls-Royce закрыл свой завод в Спрингфилде, штат Массачусетс. Они положили начало длившемуся не одно десятилетие завоеванию американского рынка иностранными автокомпаниями, прежде всего немецкими и японскими, в условиях нефтяного кризиса 1970-х годов, глобализации торговли и технологий и постоянной конкуренции за иностранные инвестиции между штатами США.

Однако два самых поразительных аспекта заключались в том, откуда пришли эти компании и что это означало. Ведь чуть более чем за поколение до того, как VW и Honda начали выпускать автомобили в Соединенных Штатах, Германия и Япония лежали поверженные и опустошенные, их население сильно сократилось, а экономика была уничтожена в результате мировой войны, которую они безрассудно развязали и вчистую проиграли.

Будущее Volkswagen в 1945 году казалось неопределенным; его ставший впоследствии культовым «Жук» (модель Beetle) еще не производился, хотя довоенная разработка этого автомобиля стала одним из символов безграничных

амбиций Третьего рейха, якобы свидетельствовавших о превосходстве «арийской» расы над всеми остальными. До и во время войны компания почти не выпускала автомобили, но заводские здания и оборудование были практически новыми. Поэтому VW мог стать потенциальной целью для репрессивной политики союзников в период оккупации. Японской же Honda, напротив, в 1945 году до производства автомобилей было еще далеко: первый появился лишь в 1963 году, спустя почти два десятилетия после окончания Второй мировой войны. Во время конфликта основатель Honda пытался выпускать поршневые кольца, но потерпел неудачу; а сразу после окончания войны он был занят разработкой прототипа скромного мотоцикла, который ему затем удалось запустить в производство.

Удручающее будущее после 1945 года ждало, казалось, не только автомобильную промышленность двух побежденных стран. Действительно, до конца 1940-х годов мало было промышленных секторов, где можно было рассчитывать на серьезное восстановление; оно могло начаться только после того, как будут решены проблемы с инфраструктурой, жильем и обеспечением населения предметами первой необходимости. Тем не менее уже к 1960 году Федеративная Республика (Западная) Германия, образованная в 1949 году, занимала второе место в капиталистическом мире по размеру экономики, а Япония — пятое. Более того, обе страны прошли путь от изгоев до верных союзников мирового политического, экономического и технологического лидера — Соединенных Штатов. Отношения с США оставались основополагающим фактором и в последующие десятилетия, когда обе страны сохранили, а в случае Японии — существенно улучшили свои позиции среди ведущих экономик мира. В 2020 году Япония и Германия занимали, соответственно, третье и четвертое места в мире по размеру валового внутреннего продукта (ВВП), уступая Соединенным Штатам и Китаю и опережая Индию и Великобританию.

А ВВП на душу населения у них был еще более впечатляющим в сравнении с большинством других крупных экономик.

Чем же объясняются эти масштабные, быстрые и последовательные преобразования и почему среди всех стран именно Германия и Япония смогли столь эффективно их осуществить? На эти вопросы и отвечает книга «Фениксы мировой экономики». Во-первых, в ней анализируются шаги основных действующих лиц из государственного и частного секторов, которые занимались реализацией западногерманского и японского экономического чуда в 1950-е годы и развитием этих стран в последующие десятилетия; во-вторых, эти национальные события рассматриваются в международном политическом и экономическом контексте. Такой подход позволяет описать, как эффективная комбинация из искусно применявшихся государственных мер, действенной промышленной политики, недискриминационных трудовых отношений, ключевых компаний и фундаментальных технологий способствовала экономическому подъему этих двух стран на фоне послевоенного роста международной торговли и глобализации. Все вместе эти факторы легли в основу впечатляющего перехода Deutschland AG и Japan Incorporated к мировому экономическому лидерству в послевоенный период.

* * *

Германия и Япония расположены практически на противоположных сторонах земного шара, их языки и история кардинально различаются. Германия имеет небольшую морскую границу и практически не имеет естественных. Этим во многом объясняются радикальные изменения ее политических границ с момента объединения Германии в 1871 году и вплоть до 1990 года. Особенно заметно отсутствие естественных рубежей в равнинной, в основном

песчаной Пруссии — королевстве, вокруг которого образовалась Германская империя. Этим также в значительной степени объясняется и стремление Германии укрепить в последующие десятилетия свою военную мощь, и вытекающую из такой политики постоянную угрозу войны, поскольку опоздавшая к разделу мира империя пыталась найти свое «место под солнцем» через завоевание заморских колоний.

Что касается Японии, то это островное государство, которое пыталось изолироваться от любого внешнего влияния более двух с половиной столетий, с начала XVII века. Эпоха изоляции внезапно закончилась в 1850-х годах, когда Япония сдалась под напором западных стран, угрожавших ей вторжением. Избежать его удалось, подписав явно под принуждением унижительные «неравноправные договоры». После этого главной целью стала отмена этих договоров за счет воплощения в жизнь лозунга новой японской правящей элиты: «Богатая нация, сильная армия». Новые правители пришли к власти в результате революции, замаскированной под «Реставрацию Мэйдзи», которая изменила политику, экономику, бизнес и технологии островного государства. Однако политические границы Японских островов не претерпели существенных изменений ни в этот период потрясений, ни в дальнейшем.

Несмотря на явные различия между Германией и Японией, военная элита в обеих странах оказывала нездоровое влияние на политику, как внутреннюю, так и внешнюю. Они переживали серьезную социальную напряженность, связанную с быстрой индустриализацией. По этим и другим причинам лидеры обеих стран были готовы вступить в войну, чтобы реализовать свои амбиции.

В 1914 году, пребывая в плену ужасной иллюзии, что Германия быстро одержит победу, рейх втянул союзные ему Центральные державы в войну, что привело к их поражению в 1918 году. Третий рейх Адольфа Гитлера попытался повторить столь же идиотский поступок в 1939 году — с еще

более катастрофическими последствиями. Большинство людей рассматривают эти войны как два совершенно разных конфликта. Некоторые, однако, включая Уинстона Черчилля, характеризовали их как два события одного явления — Второй тридцатилетней войны (хотя это, конечно, европоцентристская концепция). По их мнению, как и первая Тридцатилетняя война, длившаяся с 1618 по 1648 год, это была единая эпоха борьбы, перемежавшейся мирными периодами и сопровождавшейся сменой союзов. Она привела к опустошению Центральной Европы и появлению на ее окраинах двух мощных держав: в 1648 году триумфаторами оказались Франция и Россия, а в 1945 году — Соединенные Штаты и Советский Союз.

В свою очередь, Японская империя в 1937 году вступила в войну с Китаем, а затем — с большинством других своих ближайших соседей (в основном бывших колониями западных держав), что привело к дерзкому нападению на американский флот в Пёрл-Харборе 7 декабря 1941 года. Неудивительно, что в ответ Соединенные Штаты объявили Японии войну. Таким образом, напав на Пёрл-Харбор, Япония пошла ва-банк в конфликте, победить в котором должна была более крупная, богатая и лучше вооруженная страна. Это относится и к Германии, которая объявила войну Соединенным Штатам вскоре после Пёрл-Харбора, в результате чего конфликт превратился в поистине глобальный.

Итак, Германия и Япония спровоцировали Вторую мировую войну и потерпели в ней поражение. После же окончания войны экономики обеих стран показали впечатляющие результаты. Но роднит их не только это. Например, если говорить об экономическом развитии, в них достаточно поздно началась индустриализация (в Японии еще позже, чем в Германии). Это означает, что они могли перенять опыт государств, ставших лидерами этого процесса, — прежде всего Великобритании, а также стран Бенилюкса, части Франции и, в случае Японии, — Германии и США. Вместе

с тем им пришлось следовать путем догоняющего развития, особенно в таких сферах, как технологии, финансы и организация производства.

Еще одна особенность, характерная как для Германии, так и для Японии, — ограниченный доступ к природным ресурсам, за исключением обильных запасов воды. Конечно, в Германии также имелся высококачественный уголь, особенно в Рурском районе. Но ни немцы, ни японцы не обладали достаточным количеством железной руды, хлопка и многих других сырьевых товаров, имевших важное значение во время первой промышленной революции. А когда в начале XX века наступила эпоха нефти, необходимой как для оборонной промышленности, так и для массовой автомобилизации, быстро стало очевидно, что у обеих стран практически нет собственных запасов. Это, к их большому разочарованию, было окончательно подтверждено в ходе интенсивных (и очень дорогих) геологоразведочных работ в 1930-е годы.

Конечно, нехватку некоторых важнейших природных ресурсов на внутреннем рынке испытывали не только Германия и Япония, но и другие проводившие индустриализацию страны. Фактически только Соединенные Штаты могли похвастаться обширными, даже грандиозными запасами большинства видов сырья, критически необходимого для промышленного производства. Однако британцы, французы, бельгийцы и голландцы уже в XVII веке смогли расширить свою «внутреннюю» сырьевую базу за счет имперских завоеваний. К концу XIX века каждая из этих стран владела множеством колоний, которые они выгодно использовали и для вывоза важнейшего сырья, и для сбыта произведенных в метрополии товаров. Однако Германия и Япония, поздно начав индустриализацию, с опозданием включились и в эту становившуюся все более яростной борьбу за раздел большей части мира за пределами Европы и Северной Америки. В результате они смогли обзавестись лишь ограниченным

числом колоний (хотя некоторые из них, такие как захваченная Германией в конце XIX века китайская провинция Шаньдун и включенные в состав Японской империи в первые десятилетия XX века Тайвань, Корейский полуостров и в итоге — Маньчжурия, оказались весьма важны с экономической точки зрения). Более того, в ходе этой поздней экспансии немцы и японцы вступили в конфликт с уже сформировавшимися имперскими державами, хотя это и не заставило их отступить.

Вместе с тем для преодоления проблем, связанных с ограниченностью запасов сырья, ни Германия, ни Япония не полагались исключительно на имперскую экспансию. Они активно и успешно развивали внешнюю торговлю в период «первой глобализации» с конца XIX века до начала Первой мировой войны. Однако впоследствии экономические потрясения и деглобализация породили значительные препятствия для внешней торговли, кульминацией которых стало резкое усиление протекционизма во всем мире с конца 1920-х годов. Но все это не отменяет того факта, что сильная зависимость Германии и Японии от зарубежных рынков с самого начала находилась в явном противоречии с их агрессивной воинственностью.

Второй важной альтернативой имперской экспансии стала изобретательность. Она помогала преодолеть сильную зависимость от других стран в поставках не только природных ресурсов, но и, что не менее важно, ресурсов нематериальных, основанных на знаниях, необходимых для промышленного производства. Германия особенно преуспела в этой области благодаря развитию начиная с 1860-х годов первоклассной химической промышленности, выпускавшей заменители импортных красителей, а затем удобрения и другие материалы. Не менее важно и то, что новая промышленность производила совершенно новую продукцию, порождавшую неутолимый спрос, включая красители поразительных новых цветов, никогда ранее не встречавшихся

в природе, а также чудодейственные лекарства, такие как аспирин. В более широком смысле Германия стала пионером в институционализации изобретательности — первой страной, организовавшей взаимодействие государственных учреждений, университетов и промышленности в том, что сегодня известно как «тройная спираль» национальной инновационной системы. Япония в первой половине XX века отставала от Германии в создании собственной инновационной системы, но стремительно развивалась в этом направлении. Более того, японцы доказали, что могут добиваться поразительных результатов в развитии таких разных отраслей, как черная металлургия, судостроение, производство и транспортировка электроэнергии.

После поражения стран Оси в 1945 году Германия и Япония пережили военную оккупацию, в которой особенно важную роль сыграли США и их представители. Одним из наиболее значимых последствий стала фундаментальная переориентация экономической доктрины каждой из побежденных держав, проведенная под опекой и бдительным оком американцев. К 1950-м годам по настоянию оккупантов и при в целом добровольном сотрудничестве лидеров общественного мнения и политиков оккупированных стран Япония и вновь созданная Западная Германия пережили фундаментальную трансформацию, превратившись из государств, ставящих во главу угла обеспечение национальной безопасности, в торговые страны. Закончилась эпоха превалирующего влияния военных с ориентацией на соответствующие передовые технологии, для которой также были характерны высокая социальная напряженность и конфронтационные отношения в промышленности. На смену им пришли приверженность делу мира, низкий уровень социальной напряженности и построенные на консенсусе производственные отношения. При этом основное внимание уделялось торговле, гражданским технологиям и (в целом и до недавнего времени) поступательным инновациям.

После Второй мировой войны и Германия, и Япония добились беспрецедентных успехов в четырех главных областях: реализация потенциала эффективных инновационных систем, где упор делается на прикладные технологии; производство; развитие человеческого капитала через высокоэффективные системы образования и подготовки кадров; координация всего этого через конструктивное (хотя иногда и проблематичное) сотрудничество общественных групп из политики, промышленности, профсоюзов, сферы образования, науки и техники. Неудивительно, что Германия и Япония являются образцами того, что социологи, специализирующиеся на анализе «разновидностей капитализма», назвали координируемыми рыночными экономиками (КРЭ).

* * *

Вскоре после того, как Томас Паркер Хьюз опубликовал в 1983 году «Сети власти» (Networks of Power), свое блестящее исследование об электрификации Германии, США и Великобритании в 1880–1930 годах, я как-то спросил его в неформальной обстановке о сложностях сравнительного исторического исследования. Он ответил, что находит его проведение чрезвычайно трудным, не в последнюю очередь потому, что приходится иметь дело с «вещами зачастую почти одинаковыми, но в то же время очень разными». Так и здесь — и не в последнюю очередь потому, что Германия и Япония, будучи похожими и в то же время разными, имеют прочные двусторонние связи с Соединенными Штатами, служащие каналом для взаимодействия. Таким образом, Германия и Япония во многих отношениях похожи. Но они ни в коем случае не идентичны. Поэтому в моем дальнейшем повествовании возникает напряжение из-за удивительного сходства, но также и поразительных различий, которые характеризуют развитие этих двух стран во второй половине XX — начале XXI века. Одна

из задач, которые я пытаюсь решить в последующих главах, — тщательно разобраться в некоторых «тонких разновидностях развитого капитализма», по крайней мере в том виде, в каком они проявились в этих двух ведущих примерах КРЭ. Другая задача — продемонстрировать эволюционную природу капитализма, характеристики которого стали меняться и в той, и в другой стране сразу же, как только они начали движение к новым горизонтам после поражения в 1945 году.

Другими словами, на протяжении всей книги — и в этом она сильно расходится с работами сторонников идеи о существовании разных видов капитализма — акцент будет делаться на том, как эти две страны стали такими, какими они стали, на непредвиденных обстоятельствах, а не неизбежных результатах, на последовательности, а также на изменениях. В конце концов, достижение экономического и технологического успеха и глобального влияния в послевоенный период не было предопределено ни для Германии, ни для Японии. Путь к такому успеху и влиянию также не был гладким. Бывало, их экономическая динамика разочаровывала: например, ВВП Японии медленно растет в последние десятилетия. Кроме того, усиливающаяся глобализация породила дополнительные вызовы для этих стран, учитывая их огромную зависимость от внешней торговли и импорта сырья, особенно энергоресурсов, — зависимость, которая возникла еще до 1945 года и сохраняется до сих пор. В довоенной эпохе берут начало и другие проблемы, которые, в отличие от нехватки природных ресурсов, были порождены политикой самих этих стран. Так, например, весьма неоднозначное прошлое видных деятелей Германии и Японии провоцировало частые скандалы вплоть до 1970-х годов. А те самые общественно-политические и экономические структуры, что были источником экономических и технологических успехов этих стран как до войны, так и во время последовавшего затем экономического чуда, порой были

связаны с теневой и незаконной практикой. Экологические проблемы, которые вышли на первый план во время чрезвычайно быстрого роста Германии и Японии в послевоенный период, также зачастую коренились в довоенной политике.

Книга начинается с того, что кажется мне бесспорным постулатом: несмотря на впечатляющие экономические и технологические успехи первых четырех десятилетий XX века, к 1945 году стало совершенно ясно, что немецкий и японский варианты капитализма оказались несостоятельными. Обе страны действительно провели более или менее эффективную индустриализацию, но при этом оставались относительно бедными по сравнению с Великобританией и США. Кроме того, крайне высок был уровень социальной напряженности. Эти факторы были как причиной, так и следствием того, что страны ввязались в войну, которую не могли выиграть и которая сделала их социальное и экономическое положение поистине ужасным, по крайней мере на начальном послевоенном этапе. Последующая же история представляет собой разительный контраст с предыдущей: с начала 1950-х годов немецкая и японская формы капитализма развивались на удивление успешно, благосостояние росло и распределялось более справедливо, социальная напряженность заметно ослабла — и все это без какого-либо милитаризма. Более того, столь впечатляющих результатов удавалось добиваться на протяжении необычайно долгого времени.

Таким образом, главный вопрос, который здесь задается: *«Почему во второй раз все получилось гораздо лучше?»*. Ответ на этот простой вопрос призваны дать следующие главы, сгруппированные в четыре части, которые в целом расположены в хронологическом порядке. В части I объясняется быстрое восстановление экономик Германии и Японии сразу после окончания в 1945 году Второй мировой войны и (вос)создание к началу 1950-х годов политических, социальных и экономических структур, которые это

восстановление обеспечили. В части II рассматривается следующий этап этого процесса, в период между 1950 и 1973 годами: как Западная Германия и Япония к началу 1970-х годов вошли в число самых богатых стран мира. Затем в части III дается обзор периода с 1973 по 1989 год, когда отчетливо проявились некоторые последствия столь быстрого роста благосостояния и Германии с Японией пришлось преодолевать политические, экономические и экологические кризисы. А в части IV анализируется, как эти две страны продолжали следовать путем экономических достижений на фоне новых волн глобализации и других актуальных международных проблем в период с 1990 по 2022 год.

В подзаголовке книги упоминается «экономическое возрождение» двух стран после 1945 года, что перекликается с часто используемым термином «экономическое чудо», которым описывается их развитие в послевоенный период. Во введении я тоже использую это понятие, а во многих последующих частях и названиях глав часто встречаются отсылки к чудесам, магии и сверхъестественному. Это может показаться странным, поскольку книга целиком и полностью посвящена объяснению и истолкованию произошедшего. Но будьте спокойны: в моем повествовании не будет никаких трактовок, связанных с чародейством или оккультизмом. Формулировки и образы выбирались обдуманно. Мне хочется породить у читателя чувство удивления впечатляющими достижениями этих двух стран в мировой экономике, бизнесе и технологиях — достижениями, которым многие завидуют, а некоторые пытаются подражать. В то же время необходимо признать (и это будет должным образом сделано) многочисленные скандалы и нарушения, сопровождавшие эти успехи, продемонстрировав некоторые недостатки и слабости обществ, которые их породили.

Часть I

НИКАКОЙ МАГИИ

Возрождение из пепла поражения,
1945 — начало 1950-х

1

ИЗ ВРАГОВ В ДРУЗЬЯ

Оккупация Германии и Японии
союзными войсками

Послевоенный хаос

Американский писатель Томас Пинчон назвал это «Зона».

Когда весной 1945 года союзные войска заняли Германию, Тысячелетний рейх обратился в хаос после всего лишь 12 лет существования. Нацистская партия и контролируемое ею правительство испарились практически в одночасье. Бизнес и экономика остановились. Когда 8 мая* Германия капитулировала, давно сложившиеся властные отношения уже были основательно разрушены. И ни у кого не было четкого представления о том, что может возникнуть на их месте.

Официально побежденная страна, чьи довоенные восточные границы по требованию СССР были сдвинуты на запад, оказалась разделена на четыре оккупационных зоны. Ими руководили Великобритания, США, Франция и Советский Союз — державы-победительницы. На практике же такое руководство поначалу было номинальным:

* Капитуляция вступила в силу 8 мая в 23:01 по центральноевропейскому времени, 9 мая в 01:01 по московскому времени. — *Прим. ред.*

в конце весны — летом 1945 года на немецкой территории царили кошмар и беззаконие. Передвижение по ней представляло собой одиссею на фоне разбомбленных городов, дефицита электроэнергии, нехватки продовольствия и других предметов первой необходимости. Из пробиравшихся по опустошенному ландшафту около 6 миллионов были оголодавшими, истощенными иностранцами — подневольными работниками и, по сути, рабами. Они стремились вернуться домой во Францию, Бельгию, Италию, Польшу и другие разоренные войной страны Центральной и Восточной Европы.

В другом направлении толпами текли миллионы этнических немецких беженцев. Считавшиеся потенциальными пешками в возможном развязывании еще одной войны, они были лишены имущества и изгнаны из таких мест, как Судетская область в Чехословакии, Силезия в Польше и Поволжье в Советском Союзе. В период с 1945 по 1950 год около 12 миллионов из них оказались в четырех зонах оккупации, которые к 1949 году превратились в два поствоенных немецких государства.

К миллионам невольных кочевников, бредущих по послевоенной немецкой земле, присоединились сотни добровольных странников, находившихся в гораздо лучшей физической форме. У них также была четкая миссия. Сразу после поражения Германии в Зону устремились группы ученых, инженеров и бизнесменов из стран-союзниц, чтобы оценить ситуацию — и использовать ее в своих целях.

Американец голландского происхождения Сэмюэл Гаудсмит, один из немногих физиков-ядерщиков, не задействованных в Манхэттенском проекте, возглавлял группу экспертов в важнейшей миссии «Алсос». Он и его команда прибыли в Германию еще до окончания боевых действий, чтобы выяснить, насколько далеко нацисты продвинулись в создании атомной бомбы, и заполучить в распоряжение американцев ведущих немецких физиков, таких как Вернер Гейзенберг и Отто Хан, оставив при этом с носом бывших



Британские солдаты осматривают разрушения от бомбардировок
в Берлине, 1945 год
United Archives/Getty Images

союзников — французов. Затем в рамках операции «Эпсилон» американские и британские специалисты в июле 1945 года вывезли Гейзенберга, Хана и еще восемь ведущих немецких физиков в английское графство Кембриджшир. Там ученых держали в Фарм-холле, большом загородном доме, оборудованном электронными жучками, чтобы эксперты стран-союзниц могли подслушивать их разговоры.

Союзники должным образом записали возгласы недоверия немецких ученых, когда им сообщили, что первая атомная бомба была сброшена на Хиросиму 6 августа 1945 года. Затем, когда Гейзенберг и остальные осознали, что это правда, подслушивающие устройства зафиксировали, как физики взволнованно пытаются понять принцип действия бомбы. Их разговоры подтвердили то, что уже установила миссия «Алсос»: немцы не продвинулись далеко со своим проектом создания ядерного оружия, несмотря на то что у них была львиная доля лучших физиков в мире.

Тем временем в рамках операции «Скрепка» собирали ученых-ракетчиков и инженеров-авиаконструкторов, включая печально известного руководителя программы создания баллистических ракет «Фау-2» Вернера фон Брауна, чьи творения наводили ужас на Антверпен и Лондон на последнем этапе войны. Многих из этих ученых и инженеров перевезли в Соединенные Штаты — нелегально и вопреки их активному участию в деятельности нацистской партии. Этому не помешало даже использование ими рабского труда в подземном концентрационном лагере Дора, где создавались «Фау-2». Вместо этого уже через несколько дней после ареста в Германии фон Браун и другие ученые-ракетчики, которые впоследствии сыграют важнейшую роль в разработке баллистических ракет и подготовке инженеров-авиаконструкторов в США, были тайно переправлены в Америку. Там им выдали американские паспорта и в итоге предоставили допуск к секретным работам.

Фон Браун сыграл ключевую роль в реализации космической программы США и способствовал тому, что в 1969 году

американцы первыми высадились на Луну. Он работал вместе с другими учеными из нацистской Германии, перевезенными в Соединенные Штаты с той же целью. Среди них был Артур Рудольф, разработчик ракеты Saturn V, которая вывела в космос астронавтов «Аполлона». Когда в начале 1980-х годов его роль в эксплуатации тысяч заключенных концлагерей в рамках программы «Фау-2» наконец-то стала достоянием общественности, Рудольф бежал из США в родную Германию. Примечательно, что ни это разоблачение, ни бегство Рудольфа от правосудия не вызвали у правительства США никакого раскаяния в том, что оно вообще его завербовало. Губертус Штругхольд, «отец космической медицины», также входил в команду NASA — Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства. Некоторые свои идеи Штругхольд почерпнул из данных, собранных в ходе экспериментов над заключенными концлагерей и военнопленными Третьего рейха. По иронии судьбы многие ученые из нацистской Германии начинали работать в Хантсвилле, штат Алабама, на Глубоком Юге, где набирало силу движение за гражданские права в США.

В то же время в поверженную страну прибыло огромное количество промышленных экспертов, которых прикомандировывали к военным частям союзников. В их задачу входил сбор подробной информации о состоянии немецких технологий и бизнеса. Поначалу это оправдывалось необходимостью срочно помочь в продолжающейся войне с Японией, но еще одним мотивом, безусловно, была коммерческая выгода. Например, такие компании, как Imperial Chemical Industries (ICI), DuPont и Union Carbide, были заинтересованы в получении информации о разработках в военные годы новых пластиков и других заменителей материалов в немецкой химической фирме IG Farbenindustrie AG. Тем временем инженеры компании Ampex, основанной только в 1944 году, стремились узнать все возможное о технологии записи на магнитную ленту, впервые разработанной

в IG Farben в 1930-х годах. Отчасти благодаря информации, полученной в Германии, американская компания затем в сотрудничестве с Бингом Кросби и другими известными музыкантами создала сложное оборудование для записи на катушечную ленту.

Экспертам сразу было ясно, что многие идеи, разработанные в нацистской Германии, имеют большую коммерческую ценность. Поэтому между союзниками, стремившимися прибрать к рукам наиболее привлекательные технологии, вскоре возникла напряженность. Еще более острая конкуренция наблюдалась в сфере национальной безопасности, поскольку бывшие союзники старались заполучить инженеров и ученых, составлявших сливки немецкой научной мысли. «Погоня за мозгами», как назвала ее одна французская исследовательница, была делом не для слабонервных. Чтобы получить желаемое, ее участники не гнушались похищениями, запугиванием, подкупом. Такая военная добыча, как Вернер фон Браун, ценилась высоко — и вполне заслуженно. Без него американцы могли бы и не выиграть космическую гонку. Если бы первым до фон Брауна добрался Советский Союз, возможно, именно космонавты из этой страны водрузили бы свой флаг среди лунных кратеров в 1969 году. Уже хотя бы по этой причине никакие моральные угрызения не могли помешать заполучить — или удержать — столь ценных людей, даже если их репутация была сильно запятнана преступлениями, совершенными при нацистском режиме. Это на своей шкуре пришлось испытать группам немецких инженеров и ученых, находившихся в советской зоне оккупации: в ходе последней крупной операции такого рода их разбудили рано утром в октябре 1946 года и вывезли в СССР. На протяжении всего раннего периода оккупации Советский Союз и США вели наиболее острую борьбу за немецких ученых. Холодная война в области науки и техники началась еще до завершения Второй мировой — в конце весны 1945 года.

* * *

Было вполне естественно ожидать, что в конце долгой и жестокой войны в побежденной Германии будут царить хаос и раздробленность. Избежать этих проблем союзники собирались, разработав планы по обеспечению упорядоченного перехода к миру, — планы, которые согласовывались на самом высоком уровне и увязывались с победой в собственно военном конфликте. Последняя крупная конференция союзников в ходе войны в Европе прошла на курорте Ялта в Крыму в феврале 1945 года, за три месяца до официальной капитуляции Германии. Лидеры «большой тройки» прибыли в великолепный Ливадийский дворец, 116-комнатную летнюю резиденцию последнего русского царя Николая II. Уверенные в грядущей победе над нацистской Германией Иосиф Сталин, Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль встретились за круглым столом в самом большом и роскошном зале виллы, построенной в стиле итальянского Ренессанса.

Черчилль попыхивал своей фирменной сигарой, Рузвельт и Сталин курили одну сигарету за другой... На фоне портретов членов российской императорской семьи три самых могущественных человека в мире приступили к перекройке карты Центральной и Восточной Европы — тщательно, радикально и фундаментально. Во-первых, они сместили границы Германии на запад, отдав Польше большую часть Восточной Пруссии. Вновь созданная Польша, таким образом, сдвинулась на запад, на территорию, которая раньше была частью Германии, тогда как ее восточная часть осталась у Советского Союза. В результате договоренности союзников в Центральной и Восточной Европе сформировалась советская сфера влияния, просуществовавшая до 1990-х годов.

Также в Ялте было оговорено, что «большая тройка» разделит между собой побежденную Германию на отдельно управляемые оккупационные зоны. Осуществлять

административную, экономическую и политическую координацию между зонами предполагалось через Союзнический контрольный совет, который стал органом верховной власти в оккупированной Германии. При этом столица страны, Берлин, расположенный в глубине советской оккупационной зоны, сам был разделен на отдельные секторы. Доступ западных союзников в Берлин из их оккупационных зон обеспечивался по автомобильным, железнодорожным и воздушным маршрутам, проложенным через специальные коридоры в советской зоне. Вот и все. Казалось бы, что может пойти не так?

* * *

Но не прошло много времени, и эти тщательно разработанные планы были нарушены ходом военных действий и быстро меняющимися политическими обстоятельствами. Во время последнего наступления американские войска продвинулись за согласованные границы и к моменту капитуляции Германии в мае 1945 года находились глубоко внутри советской зоны. Когда же месяц спустя американцы ее покинули, первоначальное приятное удивление быстро сменилось в советских войсках крайней озабоченностью. Они обнаружили, что американцы вывезли с собой десятки экспертов и менеджеров компании Zeiss, специализировавшейся на оптических технологиях. Это стало еще одним подтверждением начала холодной войны в области науки и техники. Бывшие сотрудники Zeiss, эвакуированные из штаб-квартиры в Йене, в итоге создали западногерманскую компанию, которая конкурировала с восточногерманской Zeiss.

Тем временем британские дипломаты стали беспокоиться, что вскоре после окончания войны американцы могут покинуть Европу, как они это сделали после Первой мировой. Опасаясь советского господства, Черчилль

выступил со смелым предложением. Убедив США и преодолев сопротивление СССР, он уговорил союзников создать для Франции четвертую зону оккупации. Черчилль был очень доволен результатом, но не позаботился о том, чтобы французы получили приглашение на заключительную конференцию союзников в Потсдаме, недалеко от Берлина. Там в июле и августе 1945 года произошел сюжетный поворот, когда в руководстве двух стран «большой тройки» случились судьбоносные перемены. Сталин оказался единственным на Потсдамской конференции, кто участвовал в предыдущих встречах лидеров. Рузвельта, который скончался в апреле, сменил Гарри Трумэн. Сам Черчилль уехал домой примерно в середине конференции и больше не вернулся. В результате победы лейбористов на выборах летом 1945 года к Сталину и Трумэну присоединился новый премьер-министр Великобритании Клемент Эттли. В Потсдамской декларации от 26 июля три лидера договорились рассматривать четыре зоны оккупированной Германии как единую экономическую единицу. Но французы, не участвовавшие в подписании декларации, не считали себя обязанными ее выполнять.

* * *

Потсдамская декларация также предусматривала объединение усилий стран «большой тройки» для победы над Японией. Соответственно, СССР 9 августа объявил войну Японии, расторгнув соглашение о прекращении огня, заключенное в апреле 1941 года. Американские атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 года заметно приблизили окончание конфликта. Капитуляция Японии 15 августа, вскоре после атаки на Нагасаки (и всего через шесть дней после вступления СССР в войну), означала, что ни у кого, кроме американцев, не было времени установить контроль над побежденной страной.

То, с чем американские оккупационные войска столкнулись в Японии сразу после окончания войны, во многих отношениях было не менее кошмарным, чем увиденное ими в Германии. Будучи относительно бедной страной с ограниченными природными ресурсами по сравнению с другими основными участниками войны, Япония выжимала из своего населения все соки, особенно на последнем этапе конфликта. По его окончании значительную часть населения составляли слабые, полуголодные люди, а нехватка продовольствия и электроэнергии ощущалась даже после прекращения боевых действий. Как и в Германии, значительная часть жилого фонда была уничтожена бомбардировками. И многие японцы, перемещенные ради нужд военного производства либо из-за разрушений в результате бомбардировок, закончившие службу в вооруженных силах в стране или за рубежом, бесцельно бродили по пустынным ландшафтам.

В послевоенной Японии было гораздо меньше иностранных рабочих. Японская военная экономика была не менее жестокой, чем немецкая, безжалостно эксплуатируя иностранцев, которые часто трудились в рабских условиях. Некоторые работали в Японии, особенно в угольной промышленности, где около трети рабочей силы составляли корейцы и еще 10% — китайские военнопленные. Но угледобыча была исключением. Если в Германии людей для работы на заводах рейха в основном привозили из других стран, Япония использовала иностранных рабочих (зачастую доводя их до истощения) прежде всего в их родных странах, чтобы они обеспечивали ее продовольствием, сырьем и некоторыми промышленными товарами, необходимыми для ведения войны. В отличие от Германии, где в конце войны по стране бродили беженцы из самых разных этнических групп, в Японии были лишь японские, корейские и тайваньские перемещенные лица.

Но и там среди миллионов мирных граждан и бывших солдат, добравшихся домой по опустошенной стране,



Император Хирохито осматривает разрушения от бомбардировок
в Токио, 1945 год

Universal Images Group/Getty Images

появлялись сотни вполне сытых и целеустремленных иностранных специалистов. Они занимались тем же, что и в Германии, хотя японские инженеры и ученые, которых можно было бы вывезти в страны союзников, их не интересовали. Гораздо меньше внимания уделялось и поискам перспективных технологий. Но, как и в Германии, были предприняты серьезные усилия, чтобы выяснить, насколько Япония продвинулась в создании атомной бомбы (ответ был очевиден — не очень). Занимались этим и всеми другими исследованиями почти исключительно американцы. Официально оккупация Японии, как и в Германии, была совместной акцией союзников. Однако на практике все оказалось совершенно иначе: американцы практически ничем не были ограничены и могли делать все, что им заблагорассудится.